

ЕВГЕНИЙ ЦЫПАНОВ, ИГОРЬ ЖЕРЕБЦОВ (Сыктывкар)

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЩЕСТВА ИЗУЧЕНИЯ КОМИ КРАЯ

Развитие лингвистики в Коми области в 20-е годы представляет большой научный интерес, так как тогда закладывались основы для последующих исследований коми языка. Общая характеристика коми языкознания указанного периода дана Г. Г. Бараксановым (1964; 1986). Однако нет специальных работ, посвященных лингвистической деятельности Общества изучения Коми края, которое внесло заметный вклад в становление научных исследований в Коми области.

Начало 20-х годов стало временем повсеместного возникновения краеведческих обществ, в которые объединились наиболее просвещенные, культурные слои населения. Этот процесс не обошел стороной и Коми край. Под влиянием Февральской и Октябрьской революций, установления власти Советов (в которых поначалу немалым влиянием пользовалась местная интеллигенция) и, наконец, образования Коми автономной области возрос интерес населения к истории и культуре коми народа, к природным богатствам края и перспективам его экономического развития.

Среди проблем культурного развития первое место занимали задачи, связанные с коми языком: создание литературного языка, расширение его общественных функций. Неудивительно, что и для основанного 16 мая 1922 г. Общества изучения Коми края (ОИКК) коми язык стал одним из основных объектов изучения. Среди 10 учредителей ОИКК, людей разных специальностей, были и имевшие прямое отношение к языкознанию — профессор А. Н. Грен, тогда еще только начинающий ученый А. С. Сидоров, краевед Н. А. Шахов. Затем к ним присоединились В. И. Лыткин, А. А. Чеусов, С. А. Попов, Г. А. Нечаев, А. А. Цембер и другие ученые и краеведы, в большей или меньшей степени занимавшиеся лингвистикой.

В принятом в 1923 г. уставе ОИКК говорилось: «Общество изучения Коми края имеет целью изучение Коми края в историко-археологическом, этнографическом, экономическом, лингвистическом и др. отношениях и объединение лиц, научно работающих в области изучения этих вопросов». Организовалось несколько секций, в том числе и лингвистическая, в состав которой должны были войти В. А. Молодцов, А. Н. Грен и А. С. Сидоров, но В. А. Молодцов вскоре уехал из Коми области.

Созданное общество в начале 20-х годов получило поддержку со стороны областного комитета РКП(б) и облисполкома, стало издавать свой «экономический и краеведческий» журнал «Коми му», а позднее — «Записки Общества изучения Коми края». По этим изданиям, а также по материалам газет можно проследить динамику научно-краеведческой жизни Коми края тех лет, пути становления и развития коми лингвистики. Для современной науки лингвистическая деятельность ОИКК интересна в трех аспектах: 1) как этап в развитии лингвистической науки с присущим тому периоду своеобразием (языковые теории, рецензии, полемика и т. п.); 2) как путь познания истории коми языка и его диалектов, оценка родного языка как памятника духовной истории этноса; 3) как стремление строить единый национальный литературный язык, выработать его нормы, обогатить язык за счет диалектов, неологизмов.

1. Неотъемлемой частью развития языкознания того периода были дискуссии по проб-

лемам коми литературного языка (о диалектной основе языка, употреблении диалектизмов, русизмов, об алфавите).

Вопрос о введении в литературный язык диалектных слов имел практическое значение. В. А. Молодцов выступал против широкого привлечения диалектизмов в литературный язык из-за опасности засорения его узколокальными лексемами. Однако большинство ученых считало иначе, да и языковая практика по сути дела шла по пути широкого привлечения диалектизмов в лексику литературного языка. Среди языковедов данную точку зрения отстаивал А. С. Сидоров. II конференция Коми ассоциации пролетарских писателей в 1928 г. и Коми лингвистическая конференция Главнауки в 1929 г. в своих решениях подтвердили тенденцию к обогащению лексики литературного языка таким путем.

В 20-е годы остро стоял вопрос об употреблении русских заимствований. В лексику молодого коми литературного языка хлынул поток заимствований из-за отсутствия собственно коми языковых ресурсов для обозначения многих понятий. Четко вырисовалась позиция «ва-коми языка», чистого от заимствований (А. А. Чеусов, В. А. Молодцов). Коми лексика, по мнению сторонников этой позиции, должна быть пуристской, свободной от заимствований, и развиваться на основе собственных языковых средств. А. А. Чеусов даже предлагал переводить на коми собственные имена. Противоположная точка зрения заключалась в том, чтобы всю терминологию без изменений заимствовать из русского языка. В ходе полемики сформулировался и еще один взгляд на проблему: признание как права на словотворчество, так и права на заимствование. Этому мнению придерживались В. И. Лыткин и А. С. Сидоров.

В дальнейшем языковая практика подтвердила верность позиции сторонников «ва-коми языка»: в коми языке появилось много новообразований, например, *кывбуур* 'стихотворение', *водзкыв* 'предисловие', *шыпас* 'буква', *лыдпас* 'цифра' и т. д. Несмотря на максимализм «вакомистов», их положения не содержат серьезных теоретических ошибок. Известны языки с исключительно пуристскими тенденциями в развитии лексики — исландский, венгерский, финский. В дальнейшем сторонников взглядов «ва-коми-языка» стали обвинять в национал-шовинизме, в стремлении оторвать коми язык от великого русского языка и т. п. В 40—50-е годы литературный язык во многом утратил свою самобытность, лексика русифицировалась, официально же это толковалось как развитие коми языка и сближение его с русским. Лишь в 60-е годы вновь стала преобладать тенденция к развитию и очищению лексики от излишних русских заимствований.

Особенно остро в 20-е годы проходила дискуссия о создании нового коми алфавита. С 1918 г. употреблялся алфавит В. А. Молодцова, обладавший рядом как достоинств, так и недостатков. Уже в первые годы его функционирования А. А. Цембер в местной печати подверг молодцовский алфавит критике и выдвинул идею полностью принять русский алфавит. С 1923 г. дискуссия разгорелась вновь. Выкристаллизовались три точки зрения: 1) сторонников русского шрифта (Коданев, А. А. Цембер, Юркин), 2) сторонников латинского шрифта (А. Н. Грен), 3) сторонников молодцовского шрифта (В. А. Савин, В. И. Лыткин, Н. А. Шахов). В середине 20-х годов А. Н. Грен наиболее последовательно отстаивал латинский алфавит в работе «К вопросу о применении латинского алфавита к языкам Коми и Удмурт» (1924 : 50—59). Он однозначно оценивал молодцовский шрифт на русской графической основе как средство русификации зырян, способствующее утрате ими своего национального облика, латинский же алфавит считался интернациональным. А. Н. Грен привел предложенный для удмуртского языка латинский алфавит, проанализировал финский и венгерский алфавиты, находя в каждом недостатки. Однако те же недостатки содержал и предложенный им проект коми алфавита: палатализация обозначалась буквой *j*, фонемы *š*, *ž*, *ẓ̌* передавались сочетаниями *sch*, *zs*, *dzs*. Тем не менее работа А. Н. Грена серьезно повлияла на ход дискуссии.

С новой силой вопрос о смене алфавита встал на Коми лингвистической конференции Главнауки в 1929 г., где доклад о переходе на латинизированный алфавит сделал А. С. Сидоров. Было решено разработать новый алфавит на основе латинского, а пока пользоваться молодцовским (Разманов 1929 : 43). К концу 20-х годов

приверженцами латинского алфавита для коми языка стали В. И. Лыткин, А. С. Сидоров, Д. В. Бубрих, И. И. Оботуров и другие. Этому способствовало и положение в стране. К концу 20-х годов на латинский алфавит перешли тюркские народы, курс на латинизацию алфавитов поддержало правительство СССР. В 1930 г. был создан Всесоюзный центральный комитет нового алфавита. Велись работы по переводу русского алфавита на латиницу.

В журнале «Коми му» появилось немало работ, посвященных латинизации алфавитов. В. И. Лыткин в статье «К латинизации коми и русского алфавитов» (1929 : 60—62) вслед за И. Ф. Яковлевым считал, что переход на латинизированный алфавит облегчит международное общение и станет одним из первых сознательных мероприятий по созданию единого международного языка. Д. В. Бубрих обосновывал возможность реформы удмуртского письма (1929 : 35—37), М. Шелкунов опубликовал работу с характерным названием «Пятилетка латинизации русского алфавита» (1929 : 35—37). В. И. Лыткин особо выделял интернациональное содержание перевода на латинизированный алфавит (1929 : 60—62).

Дискуссия о шрифте завершилась мероприятиями по переводу письма с молодцовской азбуки на латинизированную в 1930—1934 гг. Но отношение центральных властей к латинизации кардинально изменилось, и с 1936 г. в Коми крае начался процесс делатинизации, возвращения к молодцовскому алфавиту.

Периодическая печать отразила бурный процесс развития коми языкознания в те годы. Краеведы, ученые охотно писали рецензии, откликались на новинки научной литературы, много спорили. Например, интересную полемику вызвала рецензия А. С. Сидорова на вышедшую первую грамматику коми языка на национальном языке В. А. Молодцова (Сидоров 1924 : 108—111), который резко ответил на рецензию серией публикаций (Молодцов 1924 : 156—162; 1925 : 69—70). Впоследствии В. А. Молодцов отверг все положения работ А. С. Сидорова. Подробные рецензии вышли на опубликованные тогда «Краткий коми-русский словарь» Н. А. Шахова, «Краткий самоучитель коми языка» М. А. Молодцовой.

Некоторые рецензии представляли собой не только реферирование и оценку, нередко они содержали оригинальные положения. К таким можно отнести рецензию В. И. Лыткина на работу А. Ф. Теплоухова «Следы бывшего пребывания Угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губерний и последующая его смена Пермским и Русским народами» (Лыткин 1925 : 70—72). Рецензент считал, что ранее в Пермской и Вятской губерниях жили не угры, а пермяне.

Обращают на себя внимание и рефераты основных трудов основоположника «нового учения о языке» Н. Я. Марра «По этапам развития яфетической теории» и «Яфетическая теория. Программа общего курса учения о языке», сделанные А. С. Сидоровым (1926 : 46—47; 1928 : 43—44). Теория Марра в 20-е годы обрела большую популярность и привлекла внимание коми языковедов стремлением изучать «черепки», языки малых народов, а также связью языковой теории с историей общества. Позднее А. С. Сидоров стал убежденным сторонником марровской теории языка, резко разойдясь во взглядах с В. И. Лыткиным, стоявшим на позициях традиционного сравнительно-исторического языкознания.

2. Члены лингвистической секции ОИКК одной из первейших для себя задач считали сбор диалектного языкового материала, составление словарей. Это было необходимо для изучения истории языка, а через это и истории народа. Члены ОИКК активно занимались сбором языкового материала в различных районах Коми края: А. С. Сидоров работал на Вычегде, Выми и Вашке, В. И. Лыткин в 1923 г. проводил лингвистические исследования в Прилузье и в русских волостях нижней Вычегды, А. А. Чеусов вел работу на верхней Вычегде и т. д. В первый год существования ОИКК на его заседаниях прозвучало несколько докладов по лингвистике (в частности, по топонимии Палевицкой волости). В 1924 г. появились языковедческие публикации Общества изучения Коми края: «Краткий коми-русский словарь» Н. А. Шахова, статьи В. И. Лыткина и других исследователей в «Коми му», позднее — в «Записках ОИКК».

Лингвистические исследования и публикации работ по языкознанию в краеведче-

ских изданиях не прекращались и после того, как лингвистическая секция ОИКК прекратила существование вследствие отъезда из области почти всех ведущих языковедов; контакты исследователей, находившихся на учебе, стажировке и т. п. в Москве и Ленинграде, с устьсысольскими краеведами не прерывались.

В 1928 г. при Московском отделении ОИКК была создана Комиссия по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка, что положило начало научному изучению коми диалектов. Первоначально в комиссии работали четыре человека, затем шесть (В. И. Лыткин, А. С. Сидоров, Г. А. Нечаев, Н. А. Шахов, С. А. Попов, Е. А. Чеусова). Организатор и руководитель комиссии В. И. Лыткин писал в областной газете «Югид туй» 4 марта 1928 г., что «собрание коми словаря — эта самая главная задача... краеведов», так как язык — «главный фактор» национальной культуры коми. Комиссия предполагала в ближайшее десятилетие изучить коми диалекты (как зырянские, так и пермяцкие) и издать академический словарь коми языка.

В 1928—1930 гг. члены комиссии провели диалектологические экспедиции по Коми области и Коми-Пермяцкому краю. Результаты исследований опубликованы в изданных комиссией двух сборниках. Первый (Сборник 1930) целиком посвящен описанию ранее не изучавшихся коми диалектов: зюздинского диалекта (Г. А. Нечаев), говора с. Кобра (В. И. Лыткин), удорского (вашкинского) говора (А. С. Сидоров), говора с. Вотча (Е. А. Чеусова), фонетических особенностей ижемского диалекта (группа авторов). Второй (Сборник 1931) затрагивал вопросы строительства и развития литературных языков у коми-зырян (В. И. Лыткин) и коми-пермяков (Г. А. Нечаев), историю языка (В. И. Лыткин), а также включал публикации фольклорных и диалектных текстов. Эти два сборника комиссии стали первыми трудами достаточно высокого научного уровня.

Большое значение для развития диалектологии имел труд В. И. Лыткина «Краткий обзор диалектов коми языка» (1930 : 31—40), где сжато определены основные фонетические и морфологические критерии классификации коми диалектов. В. И. Лыткин выделил 14 коми диалектов (в 20-е годы под коми языком понимали и зырянские, и пермяцкие диалекты). Основные выводы обзора автор развил в последующих научных трудах. Следует отметить здесь и работу ученика В. И. Лыткина, в то время — студента Московского государственного университета Г. А. Нечаева «Коми-пермяки Зюздинского края» (1929 : 22—23), которая до сих пор является чуть ли не единственным исследованием языка и этнографии зюздинских коми.

Вопрос об идентификации коми диалектов, всего языка волновал национальную интеллигенцию 20-х годов: насколько отличаются друг от друга зырянская и пермяцкая речь, один это язык или нет, один ли народ? В ходе диалектологических экспедиций выяснялась степень близости диалектов, регионов. Интересны в этом отношении выводы В. И. Лыткина в работе «О коми языке и народе» (1929 : 45—47): «С изучением коми диалектов установилось, что нет особого пермяцкого языка, а имеется только пермяцкий диалект коми языка или вернее пермяцкие диалекты, из которых многие (в смысле понимаемости) стоят ближе к коми-зырянскому литературному языку, чем например какой-нибудь отдаленный зырянский диалект». В принципе сложилось мнение о едином коми языке, который волей исторической судьбы разделен на группы близких диалектов — зырянских и пермяцких.

История коми языка сразу же стала объектом исследования лингвистов и краеведов ОИКК, причем начали выходить и работы популярного плана, и строго научные. Язык осознавался как памятник истории народа. Историком языка выступил в нескольких работах В. И. Лыткин. В статье «Некоторые следы взаимоотношений древне-русского и коми языков» (1924 : 78—83) на материале летописных топонимов он уточнил время первых контактов коми с русскими. Интересы молодого тогда В. И. Лыткина были очень разносторонними. В работе «Коми числительные» (1924 : 65—70) он выяснил историю количественных числительных, выделяя древнекоми обозначения 10 *мын* и *мыс*, вместо которых укоренилось древнее индоевропейское заимствование *дас*. В работе «Языковой состав населения Нижней Вычегды в конце 14 века (при Стефане Пермском)» В. И. Лыткин выступил против распространенного тогда мнения, что территория по нижней Вычегде от с. Межог до Котласа до XIV в.

была заселена исключительно коми (1924 : 55—57). По его мнению, до прихода русских на этой территории редкими поселениями проживало прибалтийско-финское племя *Емь* вперемешку с коми. Древнекоми языковые тексты анализировал В. И. Лыткин в статье «О говоре древне-коми письмен» (1931 : 32—50), где кратко изложены сведения о памятниках письменности и азбуке, перечислены особенности древнекоми языка. Эти положения В. И. Лыткин дополнил в последовавших трудах. В разделе «К происхождению древне-коми литературного языка» он подошел к опорному диалекту памятников с классовых позиций (по Марру), характерных для многих языковедов той поры. Общие черты этого языка объяснялись тем, что древнекоми литературный язык был языком феодалов, а не простого народа. Естественно, автор затем отошел от этих явно неверных положений.

Материал коми и субстратной топонимии привлекал краеведов при освещении истории расселения коми и соседних финно-угорских народов. Так, В. Петровский в работе «К вопросу о судьбе древне-финского населения Вологодской губернии» (1928 : 41—42) пришел к выводу: «Проживавший ранее народ в Вологодской губернии по происхождению финский, утративший родной язык и чувство самосознания. Современное великорусское население губернии ныне может считаться лишь по своему языку». Это во многом справедливо. А. М. Мартюшев в статье «Очень близкая задача» (Икс 1928 : 101—104) привел целый ряд трудно поддающихся расшифровке топонимов на территории Коми края и попытался объяснить некоторые из них на базе русского языка. В полемике с А. М. Мартюшевым (Игрек 1929 : 100—102) высказано предположение, что эти топонимы не русского происхождения, автор предложил привлечь к их расшифровке удмуртских, марийских и финских исследователей, упорядочить работу топонимистов.

В двух работах тех лет история языка толковалась с позиций яфетической теории. Так, В. А. Ильинский в статье «Проблемы топонимии Коми области» (1930 : 51—61) коми гидронимы вывел не из лексики конкретных языков, а из яфетических реликтовых слоев, которые он искал, привлекая созвучия из многих неродственных языков, например, коми *ju*, манс. *ja*, эст. *jõgi*, коми *зэр* он объяснял яфетическим элементом со значением 'жидкий'. Интересный языковой материал представил в статье «О сходстве коми слов со словами индоевропейских языков» Н. А. Цыпанов (1929 : 97—99): коми *ми*, рус. *мы*; коми *тэ*, нем. *du*; коми *дас*, лат. *decem*; коми *зон* 'парень', нем. *Sohn* 'сын'; коми *сол*, англ. *salt*; коми *гым*, рус. *гром* и т. д. Этот разнородный материал он объяснял не заимствованием, а считал указанные слова остатком древнего яфетического родства «финских» и индоевропейских языков в ходе скрещивания-развития языков мира (по теории Н. Я. Марра).

Во время бурного развития коми национальной культуры и науки многих волновали вопросы древней истории языка, ее истоков. Эта проблема также была в центре внимания краеведов. И. Мёсшер (псевдоним не расшифрован, возможно — Можегов) в работе «Где же была родина коми?» (1927 : 57—60) прародниной пермян считал долину р. Кама и местность севернее ее, что соответствует современным научным представлениям. Мёсшер, живя в Финляндии и присылая оттуда статьи в «Коми му», предлагал не традиционные для современных советских историков суждения. В упомянутой статье, например, он писал, что период нахождения коми народа под гнетом самодержавия с его русификаторской политикой был для коми хуже, чем время монголо-татарского ига для русского народа.

Более развернуто древнюю историю коми языка раскрыл студент Московского государственного университета, ученик В. И. Лыткина С. А. Попов в работе «К происхождению языка и народа коми» (1929 : 54—63). С. А. Попов выделил уральскую, финно-угорскую, финно-пермскую и пермскую эпохи, воспроизвел схему дивергенции уральских языков, известную еще со времен Э. Н. Сетяля. Написана работа на популярном уровне, но дает строго научные для того времени сведения. Интересно, что С. А. Попов уже тогда отрицал гипотетическое волжское единство, волжский праязык. Он точно определил и локацию древних пермян, а также период разделения пермских языков — VIII в. н. э., обрисовал основные пути коми на Север (как они ему представлялись).

3. В 1918 г. на августовском совещании учителей Коми края были приняты нормы единого литературного языка для коми-зырян. Совещание положило начало процессу развития, унификации и обогащения литературного языка, особенно бурному в 20-е годы.

Общественность прежде всего хотела познать историю развития коми письменности, известной с XIV в. Одной из первых попыток обобщить путь создания письменности и литературного языка стала работа Д. П. Борисова «Развитие коми письменности» (1928—1929), сделавшего следующую периодизацию развития коми письма: 1) стефановский период (XIV—XV вв.); 2) послестефановский период (XVI—XVIII вв.); 3) период работы по созданию научно обоснованной письменности (XIX—XX вв.). Д. П. Борисов не отвергал возможности существования какой-либо древней письменности и до XIV в. (Такое же предположение делали позднее В. И. Лыткин и Г. Стипа). Достаточно полно описано зарождение коми письменности в XIV в., XVII—XVIII вв. охарактеризованы как время перехода на русскую графику, откровенной шовинистической русификаторской политики царизма. В третьем периоде автор выделил два этапа: школа переводчиков и научная работа по созданию зырянской письменности в XIX в. Деятельность переводчиков он оценил резко отрицательно, что не совсем справедливо. Весьма важно, что вторая половина XIX в. названа важнейшим периодом в создании единого литературного языка (деятельность Ф. И. Видемана, И. А. Куратова, П. И. Саввантова и особенно Г. С. Лыткина). В современных работах по литературному языку, к сожалению, публикация Д. П. Борисова и другие исследования 20-х годов не используются, хотя многие положения статьи Д. П. Борисова, например, нашли подтверждение в последующий период.

В 20-е годы появились и первые работы по общим вопросам литературного языка. В начале 20-х годов литературные нормы были приняты на основе присыктывкарского диалекта, что позволило избежать излишней и вредной вариативности в написании и произношении огласовок суффиксов, путаницы при передаче *л/в* и других морфологических изменений. Особенно последовательно принципы опорного диалекта защищал В. А. Молодцов. Однако во второй половине 20-х годов с развитием коми литературы начала проявляться тенденция расширения базы литературного языка за счет материала из других коми диалектов. А. С. Сидоров в статье «К постановке вопроса о принципах зырянского правописания» (1929 : 33—34) предлагает развивать литературный язык на основе присыктывкарского с обязательным использованием богатств других диалектов. Об этом же говорилось в решениях Коми лингвистической конференции Главнауки: «Необходимо держать курс на максимальное использование богатств всех диалектов в отношении 1) словарного фонда...; 2) морфологии...; 3) фонетики...» (Разманов 1929 : 40). Это направление выдерживается и в настоящее время.

Во второй выпуск сборника комиссии вошли две работы по литературным языкам коми-зырян (В. И. Лыткина) и коми-пермяков (Г. А. Нечаева). В. И. Лыткин в статье с характерным названием «Очередные задачи строительства коми литературного языка» (1931 : 5—14) призвал обогащать его за счет диалектов для лучшего овладения им, причем деятельность коми языковедов начала 20-х годов он оценил как буржуазно-идеалистическую. В. И. Лыткин считал, что идеалистический подход заставил принять нормы литературного языка с опорным диалектом и в качестве положительного примера привел строительство удмуртского литературного языка с опорой на все диалекты. Однако далее он предложил по сути дела разрушить (путем «обогащения») фонетические нормы литературного языка, отойти от единообразности в чередовании *л/в*, правописания огласовок суффиксов. К счастью, на практике до этого не дошло. Впоследствии В. И. Лыткин не предлагал более таких ошибочных путей «обогащения» языка, которые привели бы к разнобою и излишней фонетической вариативности при правописании. Г. А. Нечаев (1931 : 15) пошел еще дальше и развитие литературного языка на основе опорного диалекта назвал «неправильным, не советским, а узко-националистическим». Однако в целом предложение обогащать литературные языки диалектным материалом (лексика, грамматика) было верным.

Многие работы посвящались конкретным вопросам языкового строительства. «Зы-

рянизация» Н. А. Шахова (1925 : 96—105) раскрывает суть проводившейся в те годы комизации, введения коми языка в государственную сферу, что предполагало обучение и подбор национальных кадров, развитие литературного языка, его терминологической базы, обучение коми языку на пунктах по ликвидации неграмотности. Актуально это и сегодня, так как план «зырянизации» не только не был выполнен, напротив, в 50—80-х годах резко сократилась роль коми языка в обществе, а проблемы национального языка и культуры обострились настолько, что положение стало кризисным.

Вопросы терминологии имели большое практическое значение, в 20-е годы литераторы и журналисты в массовом порядке создавали новые слова. Особенно большим сторонником создания новых слов был В. А. Молодцов. В работе «К вопросу о коми терминологии» (1925 : 34—37) он предложил множество новых существительных, образованных с помощью малопродуктивных суффиксов *-ас*, *-бд*, *-бг*, например, *курда*, *курдас* 'горечь', *пышйбг* 'бег', *йежтас* 'белизна'. Хотя из приведенного им списка укоренилась в языке лишь малая часть (*ыджта* 'величина', *быдтас* 'рассада растений, поросль'), автор был прав в том, что лишь языковая практика может быть судьей в дальнейшей судьбе коми терминологии, а не априорные суждения скептиков.

Вопросы орфографии в строгом смысле интересны лишь для истории коми языка, хотя в описываемый период они дебатировались чаще всего в местных газетах и журналах. Острая дискуссия шла по поводу правописания сложных слов и сочетаний с помощью дефиса. В. А. Молодцов был ярким сторонником широкого введения дефиса. Однако во второй половине 20-х годов многие осознали сложность такого письма. Например, через дефис писались даже сочетания прилагательного с существительным и существительного с послелогом. Об улучшении и унификации орфографии писали Г. А. Старцев (1929 : 47—50), И. Разманов (1929 : 29—34, 36—39), А. С. Сидоров (1929 : 33—36), В. И. Лыткин (1929 : 34—39). Конкретная проблематика этих работ теперь представляет интерес только для узкого круга специалистов.

Активная исследовательская работа коми языковедов в 20-х — начале 30-х годов дала хорошие результаты. Ее дальнейшему развитию помешали внаучные причины, связанные с установившимся в стране режимом личной диктатуры. В условиях неприкрытого диктата властей по отношению к науке и краеведческому движению руководители ОИКК пришли к выводу о невозможности дальнейшего существования общества и 2 мая 1931 г. приняли решение о его ликвидации. Прекратила работу и Комиссия по собиранию словаря. Репрессии против входивших в ОИКК ученых и краеведов, последовавшие через некоторое время (в 1932—1933 гг. были арестованы В. И. Лыткин, С. А. Попов, А. А. Чеусов и ряд их коллег, а в последующие годы — А. С. Сидоров, В. А. Молодцов, Г. А. Старцев и другие), прервали развитие коми языкознания, нанеся ему трудновосполнимый урон. Тем не менее языковеды ОИКК выполнили огромную работу, заложив основу для развития лингвистической науки, финно-угроведения в Коми крае.

ЛИТЕРАТУРА

- Бараксанов Г. Г. 1964, Формирование языковых норм коми литературного языка, Сыктывкар.
 — 1986, История коми литературного языка и проблемы языковой нормы, Сыктывкар.
 Борисов Д. 1928—1929, Развитие коми письменности. — Коми му, 1928, № 9—10, 61—65; № 11, 44—47; № 12, 44—46; 1929, № 1, 29—33.
 Бубрих Д. 1929, Возможности реформы удмуртского письма. — Коми му, № 22, 37—38.
 Грен А. 1924, К вопросу о применении латинского алфавита к языкам коми и удмурт. — Коми му, № 3, 50—59.
 Игрек 1929, К чужим словам в коми языке. — Записки Общества изучения Коми края, вып. 2, Усть-Сысольск, 100—102.
 Икс 1928, Очень близкая задача. — Записки Общества изучения Коми края, вып. 1, Усть-Сысольск, 101—104.

- Ильинский В. А. 1930, Проблемы топонимии Коми области. — Записки Общества изучения Коми края, вып. 5, Сыктывкар, 51—61.
- Лыткин В. И. 1924, Коми числительные. — Коми му, № 7—10, 65—70.
- 1925, Некоторые следы взаимоотношений древне-русского и коми языков. — Коми му, № 4—6, 78—83.
- 1924, Языковой состав населения Нижней Вычегды в конце 14 века (при Стефане Пермском). — Коми му, № 1—2, 55—57.
- 1925, [Рец. на] А. Ф. Теплоухов, Следы былого пребывания Угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губерний и последующая его смена Пермским и Русским народами. — Коми му, № 6—7, 70—72.
- 1929, За интернациональный алфавит. — Коми му, № 22, 35.
- 1929, К латинизации коми и русского алфавитов. — Коми му, № 23—24, 60—62.
- 1929, О коми языке и народе. — Коми му, № 11, 45—47.
- 1930, Диалект Кобры. — Сборник Комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка, вып. 1, Сыктывкар, 29—47.
- 1930, Краткий обзор диалектов коми языка. — Записки Общества изучения Коми края, вып. 5, Сыктывкар, 31—40.
- 1931, О говоре древне-коми письмен. — Сборник Комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка, вып. 2, Москва, 33—50.
- 1931, Очередные задачи строительства коми литературного языка. — Сборник Комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка, вып. 2, Москва.
- Молодцов В. А. 1924, К рецензии А. С. Сидорова «Коми йӧз велӧдан...» — Коми му, № 7—10, 156—162.
- 1925, К вопросу о коми терминологии. — Коми му, № 6—7, 34—37.
- Мӧсшер 1927, Где же была родина коми? — Коми му, № 4—5, 57—60.
- Нечаев Г. 1929, Коми-пермяки Зюльдинского края. — Коми му, № 10, 22—24.
- 1931, Отношение окружного коми литературного языка к северным диалектам Коми округа. — Сборник Комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка, вып. 2, Москва, 14—32.
- Петровский В. 1928, К вопросу о судьбе древнефинского населения Вологодской губернии. — Коми му, № 4, 41—42.
- Попов С. 1929, К происхождению языка и народа коми. — Коми му, № 6, 54—61; № 7, 59—63.
- Разманов И. 1929, К вопросу об установлении единой коми орфографии. — Коми му, № 8, 29—34; № 9, 36—39.
- 1929, Результаты работы Коми лингвистической конференции Главнауки (15—20 июля с. г.). — Коми му, № 16—17, 38—45.
- Сборник Комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка, вып. 1, Сыктывкар 1930.
- Сборник Комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка, вып. 2, Москва 1931.
- Сидоров А. С. 1924, Коми йӧз велӧдан Институтса лекторлӧн. [Рец. на] С андрӧ Васӧлӧн (В. А. Молодцов), «Коми грамматика туй пискӧдысь». — Коми му, № 1—2, 108—111.
- 1926, Яфетическая теория и коми язык. — Коми му, № 10, 46—47.
- 1928, [Рец. на] Н. Я. Марр, По этапам развития яфетической теории, Москва—Ленинград 1926; Яфетическая теория. Программа общего курса учения о языке, Баку 1927. — Коми му, № 4, 43—44.
- 1929, К постановке вопроса о принципах зырянского правописания. — Коми му, № 9, 33—34.
- Старцев Г. 1929, К материалам правописания. — Коми му, № 6, 47—50.
- Цыпанов Н. 1929, О сходстве коми слов со словами индоевропейских языков. — Записки Общества изучения Коми края, вып. 2, Усть-Сысольск, 97—99.
- Шахов Н. 1925, Зырянизация. — Коми му, № 10—11, 96—105.
- Шелкунов М. 1929, Пятилетка латинизации русского алфавита. — Коми му, № 22, 35—37.